

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т51

Мария Токарева
СНЫ ЭЙЛИСА. ДУША МИРА

Любое использование материалов данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Иллюстрация на переплете *Ольги Зиминой*

Дизайн переплета *Ольги Жуковой*

Токарева, Мария Юрьевна.
Т51 Сны Эйлиса. Душа мира : [роман] / Мария Токарева. —
Москва: Издательство АСТ, 2025. — 448 с. — (Герои других
миров. Мария Токарева).

ISBN 978-5-17-171826-8

Прошло семь лет, Эйлис поглощает каменная чума. Льоры продолжают
ожесточенную войну, Нармо и Илэни становятся все опаснее.

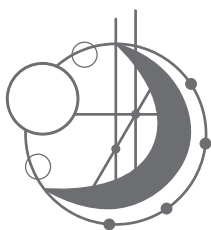
Софья вернулась на Землю, но теперь она слышит зов самоцветов. К тому
же она все чаще вспоминает Раджеда, который сторожит запечатанный пор-
тал. Какое-то время ничего не меняется, но все чувствуют, что грядет нечто
ужасное.

Софья ищет способ вернуться и помочь гибнущему миру. Но что делать,
если портал разбит? Эйлис на пороге катастрофы. Кто сумеет найти его душу?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-171826-8

© Токарева М., 2025
© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2025



Глава I НОВЫЙ ГОД

Эйлис, 2011 год

В тот день он принял окончательное решение, план его мести оформился предельно отчетливыми штрихами. Времени на размышления более чем хватало. Нармо сидел в своей башне несколько месяцев. Раны достаточно скоро зажили, однако магия, выхваченная янтарем, не желала восстанавливаться, а на лечение ушли значительные запасы яшмы.

Нармо не подпускал к себе никого, как волк-бирюк. Было больно и плохо — больше сказать нечего. Но никто не узнал об этом, кроме одного наглого существа.

— Может, хватит, а, Сумеречный?

Чародей кровавой яшмы обернулся к серой каменной колонне. От нее, подобный тропическим хамелеонам или морским каракатицам, отделился силуэт.

— Снова ты меня вычислил, — кратко вздохнул Сумеречный Эльф, все поражаясь, что за особенный дар отметил в Нармо, раз он улавливал магию неудавшегося Стража Вселенной.



— К кому-то я прихожу незванным гостем, кто-то — ко мне.

Нармо развел руками, вставая с запыленной софы, побитой молю и просиженной тараканами. Все в его башне напоминало о бренности сущего и напрасности стремления к роскоши. Не замок страшного господина, а одна большая свалка ненужных вещей, дырявых штор, свалявшихся ковров, треснутых напольных ваз — словом, всего, что свидетельствует о неминуемом угасании былого величия.

Казалось, Нармо упивался идеей конца света или же просто воспринимал свой замок словно неуютную квартирку сидящего на чемоданах мигранта, который только выжидает открытия границы в далекие дали. Как будто беглецов так уж ждут. Сумеречный-то твердо уверился, что чужестранцев не принимают радушно ни в одном из миров.

— Оригинальный способ заменить приветствие, — сухо бросил он, пока Нармо накидывал любимый плащ, хотя до того зябко кутался в прозаичный, выдавший виды бежевый плед. Иссякающая магия не согревала ни тело, ни башню, в которой царствовал такой могильный холод, что даже тараканы впадали в спячку.

— Но не здоровья же тебе желать. — Нармо скривился, протянув с насмешкой: — Сплошной подлог и профанация. Так зачем ко мне пришел? Раджед в свою башню не пускает больше? Поссорились? Ай-ай! И ты надеешься, что «добрый Нармо» вас помирит?

— Мог бы не глумиться.

Сумеречный Эльф отвернулся, коря себя за душевную слабость. Признаться, слишком остро он каждый раз реагировал на все нападки, касавшиеся его странной дружбы с янтарным льором. Но уж кому, как не Нармо, знать, в чем крылась истинная причина, что так терзала Сумеречного

Эльфа. И общие страшные тайны связывали их всех, уцелевших в каменном мире.

— А мог бы и грустить, не все же тебе одному, — напомнил о вечной природе шута Нармо. — К тому же последнее время приходилось слишком часто терпеть твое назойливое общество. Вот как сейчас.

Но тут он зашелся кашлем, тихо выругался, замечая кровь на поднесенной к бледным губам ладони. Раны давали о себе знать, и только Сумеречный Эльф в полной мере чувствовал и сладость от ликования победителей, и боль от страданий побежденных. Часто из мучений произрастала еще более яростная ненависть, как случилось ныне с чародеем кровавой яшмы.

Сумеречный Эльф отчетливо видел, как вокруг его сердца всполохами подземной грозы, всплесками вулканической магмы колыхаются, стягиваясь в тугой узел, змеи. Многомного шипящих гадюк, что припадали к трепещущему органу ядовитыми зубами, а при каждом бранном слове еще и слетали с губ. Вероятно, этот слой реальности не наблюдал даже Раджед, когда ему удалось пробиться на третий уровень рычагов и закономерностей.

— Помолчал бы лучше, — почти сочувственно вздохнул Сумеречный Эльф, глядя, как чародей бессильно опускается обратно на софу, хотя обычно слыл неутомимым интриганом.

— Ты бы не пришел, я бы и молчал, — зло бросил собеседник, постепенно натягивая на лицо маску с оскалом всегдашней ухмылки. Так он глушил все чувства. Он исступленно глядел на свои руки, ныне не сокрытые перчатками, и стремился создать вокруг ладони пламя или когти. Но бился лишь слабый огонек вроде мерцания светлячка.

Раджед нанес куда более серьезный ущерб, чем показалось бы людям. Для них-то дальше тела мало что существовало, зато чародеев питали нити мироздания. И Раджед обрывал именно их. Но ведь и Нармо поступил тогда крайне подло: их с Илэни план вероломно играл на чувствах не только янтарного льора, но и юной девочки, которая, сама того не ведая, едва не стала ключом к гибели своего мира.

Сумеречный Эльф, разумеется, не позволил бы. На тот момент он четко видел всю схему. И ему повезло, что нашелся пробел в его знании Стража, возникло право вмешаться. Однако недавно наметилось новое белое пятно в недалеком будущем. И оно скорее пугало, внося нотки беспокойства в привычное течение унылых дней: Страж не видел судьбу Нармо и Раджеда в определенный момент, который наступал через каких-то пять-шесть лет. И после него все топорщилось расходящимися нитями развилок и версий.

— Сам виноват. Не полез бы в башню, живее бы был. — Сумеречный Эльф отвернулся с тайной злобой, пытаясь угадать в голове Нармо его замыслы, прочитать по слегка нахмуренному широкому лицу.

— Неизбежность войны, не более. Отступать уже поздно, — со спокойной стойкостью отозвался чародей, решительно ударяя себя по коленям. — Всё! Больше у меня нет самоцветов исцеления. Раджед не оставил мне выбора: либо я захватываю силу всех остальных камней, либо умираю. Так как второе никак не входит в мои далекоидущие планы, выбор очевиден. Как это называется? Зло порождает зло? Мы все закованы в этот круг.

Голос его набирал силу, заворачивая слова в театральной манере, да только и зрителем, и актером, и автором этой пьесы был он сам. Похоже, замок воспринимался им точно огромный заброшенный театр. Иначе не удавалось объяс-

нить свешивающийся занавес, что венчал пустую сцену в тронном зале. Вот только все труппы давным-давно окаменели.

А ведь раньше в Эйлисе давали представления и артисты, и циркачи. Нармо лет в тринадцать даже порывался сбежать с одной из таких сомнительных компаний. Уж очень ему понравился раскрашенный фургон-повозка, который приводился в движение магическими камнями, но не поющими самоцветами, так как артисты принадлежали к ячеду.

Льорам не приличествовало пятнать себя о такие забавы. Но Нармо тогда безумно понравились трагедии и комедии, написанные директором передвижного театра, он и сам пробовал сочинять. Да и сердце его пленила исполнительница главных ролей, кареглазая гибкая красавица с копной пышных черных волос. Казалось, жестокое сердце юного льора тогда познало, что такое любовь. А может, им овладел только первый огонь неразделенной страсти.

Разобраться он не успел, так как о побеге прознал тиран-отец. И вся труппа, включая чудесную девушку, эту южную пантеру из грез, была отправлена на «арену» — страшное подобие земного Колизея. Труппу схватили в их же фургоне, доставив прямо в лапы разъяренным хищникам. Изображать доблестных чародеев им удавалось только на сцене, а картонные щиты и деревянные пики не защитили от настоящих когтей и зубов.

Нармо видел все от начала и до конца. Отчетливо врезались в его память окровавленные клочки бумаги, сценарии пьес, которые разметал беспощадный ветер. Больше ничего не хотелось запоминать.

Сумеречный Эльф вздохнул, в который раз читая картины чужой боли. А ведь он тогда мог бы вмешаться. Но не имел права, как всегда.

Тогда еще даже не началась чума окаменения, даже первые ее признаки не тронули кипящий войнами Эйлис. Страж Вселенной ощутил, как чувство вины — уже и перед Нармо — заползает под кожу уколами отчетливых мелких игл, точно его атаковали сотни микроскопических морских ежей.

— Круг, значит... Не поспоришь. И вы слишком слабы духом, чтобы его разрушить, — перекидывал вину Страж. — С такой силой вы просто дремучие дикари. А с магией или каменным топором проламывать друг другу головы — без разницы.

Все же его создали Стражем, а не нянькой для человечества. И ответственность за дурные дела несли люди. Сумеречный Эльф задавался иногда вопросом, каким же он был человеком до шестнадцати лет, до того момента, как принял великую силу и гнет знаний. Ему сказали, что память отнята намеренно и с его согласия, чтобы он вышел из порочного круга взаимной мести, вражды и прочего — слишком темного и человеческого.

— О нет, скорее, мы постмодернисты, как говорят на Земле, которые познали пик расцвета и испытывают сознательную тягу к самоуничтожению, — парировал Нармо, но слегка скривился, пространно махнув рукой. — Впрочем, «пика» я не припоминаю.

Сумеречный Эльф безмолвствовал, погруженный в свои невеселые думы. Они не давали покоя. При каждом взгляде на Нармо, при каждой мысли о Раджеде. Что-то нависало черной пеленой над всепоглощающим всезнанием, оставалось лишь ориентироваться на дурные предчувствия. И из-за них порой возникало желание прикончить Нармо на месте, а потом списать на порыв тьмы или целесообразность — словом, придумать приличное оправдание для самого себя. А иных судей у Стража и не обнаружилось бы.

Но останавливало воспоминание о равновесии миров. Смерть Нармо нарушала что-то в будущем, чье-то осознание и переосмысление. И Сумеречный Эльф смутно догадывался, чье именно.

К тому же рука просто не поднималась на раненого: лъор устало накидывал поверх плаща плед и все равно мерз от озноба. Сумеречный Эльф не намеревался делиться магией, чтобы согреть помещение или растопить камин. Не тот человек перед ним сидел; ради Раджеда он бы сделал почти все. С Нармо же их связывал только очень давний хитрый шантаж.

— Холодает в Эйлисе. Сколько там снаружи на земные градусы? — проговорил Нармо и поежился, втягивая голову в плечи. — Минус пятьдесят? Зимы стали совсем невыносимыми.

За узким окном действительно завывала на разные лады беспокойная вьюга, билась в перечерченные квадратиками рамы стекла, перебирала задвижки, гудела в каминах и шипела сквозь случайные щели. Но не снег она несла, а острые ледышки, которые точили камень башен, точно лезвия. В Эйлисе неумолимо наступали аномальные морозы, и даже летом солнце не согревало гибнущий мир. Все нарушилось и стало уродливым. Когда окаменела земля, постепенно иссякли и реки. Они сочились узкими ручейками и выбивающимися из-под пустой породы редкими ключами. Моря тоже обмеливали, делались чрезмерно солеными. Нармо созерцал умирание мира и, что хуже всего, знал, кто в этом виноват. Не он, отнюдь не он. Он был лишь наследником тирана.

— Тебя просто знобит, — отвлек их обоих от мыслей Сумеречный Эльф, все же сочувственно зажигая камин.

— Думаешь? Однако досадная мелочь. — Нармо скинул плед, всем видом показывая, что с ним все в порядке. Он

с деланой небрежностью подошел к небольшому мольберту в углу, рассматривая свое недавнее творение, пожалуй, единственное за последние десять лет.

Он написал картину, когда сидел в пустой башне, окруженный тараканами. Рисовал в полубреду. Сначала тушью, потом откопал среди хлама почти засохшие краски и вдохнул в них новую жизнь — на большее магии не хватило. Жажда деятельности и бессильный гнев заставляли хоть чем-то заниматься. Кропотливое перерисовывание одних и тех же линий успокаивало, погружало в полусон, скрашивая ожидание, отводя от терзавшей тело боли и жгучей досады, которая кислотой разъедала разум.

Сначала на холсте начерталась неопределенная абстракция, но она приобретала все большую четкость. И вот уже яснее ясного проступил искаженный автопортрет: разорванные легкие и где-то среди них сердце. Но потом черная тушь сменилась яркими красками. Алые, золотые и лазоревые тона перемешались с каплями крови, обращаясь под поворотами кисти филигранно выписанными растениями. Получались мехи легких, отверстые проросшими цветами.

В первые несколько дней на грани агонии ему и правда чудилось, что тело пронзают побеги бамбука и острые стебли трав. Казалось, что Эйлис снова жив, а он, Нармо, умирает посреди всего этого великолепия. Прекрасная картина... Даже себя не было жалко, даже становилось смешно и неумовимо упоительно.

Но стоило сознанию немного проясниться, как вновь предстала обшарпанная башня с тараканами и горами сваленного по углам хлама предков. И злоба поражения повела выжить.

— Дурак все-таки Раджед. Прохлопал свою любовь, сделал все, чтобы никогда не встретиться с ней. Бам — и сбежа-

ла, — скрипучим голосом проговорил Нармо, придирчиво рассматривая нарисованные цветы. Этот далекий дар природы, утраченный в реке прошедшего. Ведь нет более жестокого владыки, чем все отнимающее время.

— Будто ты в этом деле великий советчик, — недовольно отозвался Сумеречный Эльф, глядя на разведенный огонь. Льор же намеренно не приближался к источнику тепла, держал дистанцию, как для прыжка. В случае чего готовился атаковать: не когтями, так кинжалом, с которым никогда не расставался.

— О любви отчего ж не поговорить? — кривились в улыбку тонкие губы Нармо, но голос его не содержал и капли веселья. — А чувствовать — это иное. Я, например, не научен, нет самой потребности. Зато все мы... великие теоретики любви. Но это было забавно. Очень забавно, когда его добыча упорхнула прямо перед носом. Впрочем, девчонка нехило подпортила мои планы.

Нармо недовольно цыкнул, проводя пальцем по невысохшему холсту, отчего на руке остался кроваво-красный след.

— Скажи, ты убил бы ее тогда? Действительно собирался? — спросил Сумеречный Эльф, не до конца ведая ответ. Этот наглый льор — точно отражение самого Стража — рушил планы и законы всезнания. Мало того что в будущем путал все карты, наводя пугающую дымовую завесу, так еще и мысли свои частично блокировал. Возможно, не он так старался, а мироздание с какой-то высшей целью заслоняло непомерно зрячее «третье око» Сумеречного Эльфа.

— В башне? Как бы объяснить такой твари, как ты, которая уже давно не чувствует по-настоящему боли? — с нарочитым старанием давал пояснения Нармо, точно лектор в аудитории. — Попробую на недавних примерах. Понимаешь, бессмертный, когда тебе втыкают в руку кинжал, сраба-

тывает произвольный рефлекс. А так, наверное, нет, не собирался. Хотя я еще подумаю, что с ней придумать, когда захвачу Землю.

Нармо довольно ухмыльнулся. Уж что делать с красивыми девушками, они с Раджедом оба знали не понаслышке, да и Сумеречный Эльф ничуть не отставал, даже после стольких веков сохранив способность влюбляться, точно мальчишка. Впрочем, все его чувства отмечала печать скорби, потому что клятва «пока смерть не разлучит вас» означала для него только смерть или гибель очередной возлюбленной, жены... Так и тянулись века, порой в полном одиночестве и намеренной изоляции. Что несли его новые чувства к той, для которой он делал музыкальные шкатулки, — Страж не ведал. Он совершенно не видел ее судьбу. И это вселяло надежду. Но когда он наблюдал пробелы в судьбах врагов, то обвинял себя, точно опытный разведчик, который не раздобыл нужные данные.

— Откуда столько уверенности? — только осадил Сумеречный Эльф.

— Если я ставлю какую-то цель, то добиваюсь ее... — коротко и ясно отрезал Нармо, разводя руками, точно дергая марионеток за нити.

— Но так ли тебе нужна эта власть? — перебил Сумеречный Эльф.

— ...даже если порой задумываюсь, зачем мне все это вообще, — многозначительно завершил Нармо. — Но не оставаться же в гниющем — вернее, каменеющем — мире?

Голос его набирал силу, в глазах появлялся экзальтированный блеск, точно он стоял перед многотысячной аудиторией. Но впалые щеки подернулись землистым оттенком, а губы совершенно побелели. И Нармо как стоял, так и упал плашмя, будто все это являлось частью его игры без публики.

Очнулся он уже снова на неизменной узкой софе — не-многое, что уцелело из мебели. Возможно, нашлось бы что-то еще, но где-то на дальних складах, может, на нижних окаменевших уровнях. Из-за ранения еще два яруса башни окончательно окаменели, и магии хватало только на то, что-бы выращивать еду и поддерживать оборону королевства. Ситуация для льора складывалась отчаянная.

— Мог бы и убить, — прошептал хрипло он, когда увидел рядом все того же Сумеречного Эльфа.

— Не убил. Пока, — кивнул Сумеречный Эльф, намеренно уточняя: — «Пока» — это ключевое слово.

— Учту. Впрочем, ничего нового, — отозвался Нармо.

Повисла тягучая пауза, собеседники задумчиво глядели то в окно, то в зеркало земного мира, что стояло возле камина. Нармо давно перетащил семейный артефакт в свои небольшие покои.

Из всего замка льор занимал от силы пять комнат, в которых практически не появлялся, то ночуя у Илэни, то про-падая на разорении захоронений. Находить новые могилы становилось все сложнее: старые карты часто запутывали и лгали. Тут-то и выручал мистический дар топазовой чаро-дейки. Мертвецов она чувствовала безошибочно, разве толь-ко живых совершенно не понимала. Впрочем, от нее Нармо и не пытался добиться какой-то взаимности. Да и ни от кого другого. Как и говорил, не привык, не испытывал потребно-сти в теплоте. Хотя... Не врал ли себе?

Он немо глядел в зеркало чужого вожаденного мира, картинки за стеклом не обращались в портал. Злорадно грела мысль, что у Раджеда ситуация ныне не лучше. Но остава-лась уверенность, что янтарный починит сокровище своей башни: тогда-то и предполагалось нанести удар.

Сумеречный Эльф слегка изменился в лице, прочитав такие помыслы. Он не рассчитывал на иной исход. Да и на милосердие чудовищ. Хотя любой зверь делается чудовищем, если загнать его в угол. Чародеи сами себе подготовили эту мучительную ловушку, пытку. Им оставалось лишь предаваться воспоминаниям, мечтаниям о несбыточном будущем. Да подглядывать за чужими мирами, чем Нармо успешно занимался, заворуженно рассматривая с софы пеструю толпу на оживленных улицах, переливающихся разноцветными огнями иллюминаций.

— О, гляди-ка. Они снова празднуют... как это...

— Новый год, — напомнил Сумеречный Эльф.

— Да, именно. Безумный народишко! Празднуют, что еще на год ближе к своей смерти, к очередной войне, к тому, что их солнце потухнет, и прочим малоприятным вещам, — пробормотал отстраненно Нармо.

В Эйлисе никогда не существовало традиции пышно провожать год и встречать новый. Все как-то сознавали конечность мира, магии и жизни. Поэтому ячед праздновал сбор урожая, а льоры — день своего воцарения и день своего самоцвета, четко установленный по лунному календарю. Но все пиршества давным-давно канули в Лету.

— Сказывается то, что ты обитаешь в гибнущем мире. Но в целом ты прав, — отозвался Сумеречный Эльф. — Зато они умеют радоваться мелочам, сиюминутно и громко.

Нармо махнул рукой, жадно всматриваясь в разрывающие темно-синее небо разноцветные всполохи, что так напоминали цветы на его картине.

— Помолчи, дай поглядеть на фейерверки. Ценю их тягу что-то поджигать!

— А у тебя здесь телевизор прямо, — хрипло рассмеялся Сумеречный Эльф.

— Да у Раджеда вещица получше будет, — недовольно фыркнул Нармо, нервно перебирая пальцами. — У меня можно смотреть. Трогать нельзя. — Он почти облизнулся, выхватив кого-то в толпе. — Ох, ты только глянь, какая... исякни моя яшма — а хотя она уже и так, — но это же средоточие всех сладостных пороков, сосуд запретного меда. И эта...

— В красном? — Сумеречный Эльф сам приткнулся к экрану, дабы узнать, кто так привлек чародея.

— О да! Мне бы в их мир, да прямо сейчас, — оживлялся Нармо, отчего даже кожа его сделалась не такой смертельно бледной, как пару минут назад. Он вскочил и подошел к зеркалу, следя за объектом своего интереса. Компания наряженных девушек шумно праздновала в одном из множества городов, размахивая бенгальскими огнями.

— Вот знал бы я, что ты ничего опаснее таких затей не замышляешь... — вздохнул Сумеречный Эльф, глядя, с каким интересом чародей рассматривает в мельчайших подробностях особенности мира Земли.

— Будто ты не знаешь! Ты знаешь лучше меня, что я еще придумаю, — отвечал Нармо раздраженно, отгоняя наваждение. Казалось, ему вовсе не власть была нужна, скорее, просто жизнь на той далекой планете, которая еще не подошла к своему уничтожению. Или всем хотелось в это верить.

— Знаю. И пока не поздно, советую остановиться. Как советовал Раджеду, — кивнул Сумеречный Эльф.

— Игра уже начата, кто-то обязан довести ее до конца, — делано полупоклонился Нармо, точно готовясь показать танцевальный номер. — Кто-то неизбежно принимает роль зла. Если меня никогда не мучает совесть, почему бы не мне оказаться под этой личиной? Так всем проще.

Глаза его погрузнели, только на лице осталась маска застывшей улыбки. И Сумеречный Эльф узнавал себя в этом кривлянии клоуна, который давно мертв.

— Зачем тебе власть, которая претит? — с болью в голосе обращался к своему темному духовному близнецу Страж. — Я две с половиной тысячи лет странствую по мирам и нигде не становился ни королем, ни даже командиром армии. Хотя мог бы.

— Факты не в пользу твоего ума. Вечный бродяга — это диагноз, — недобро заключил Нармо. — Впрочем, мне быть королем тоже не очень радостно. Это сковывает какими-то ненужными условностями. Зачем мне все это? — Он застыл на миг, словно сам себя уговаривал, но с торопливостью расчетливого дельца нашел объяснение: — Схема-то простая! Чтобы победить Раджеда, мне нужны камни других льоров, так как яшма почти померкла. Если я соберу все могущественные камни, становиться бродягой в мире Земли как-то несолидно. Придется захватывать над ним власть. А дальше подумаем. Это все просто игра... со ставкой в жизнь. И мой театр — два мира, великие подмости.

— Театр смерти, роли боли... — вторил ему Сумеречный Эльф.

— Подожду еще немного и наведуясь к Илэни. Пусть укажет на новое захоронение.

Нармо деловито разминал широкие плечи, кажется, уже вполне готовый к своим темным свершениям.

— Выберешься из-под защиты башни?

— Я не Раджед, открытых пространств не боюсь, — напомнил о некоторой фобии янтарного Нармо, лукаво ухмыльнувшись. — А ты не выдашь мое местоположение.

— Откуда тебе знать? — поразился такому нахальству Сумеречный Эльф.